

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1320–1359.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 7, no. 4 (2023): 1320–59.

Научная статья

УДК 94(438)1939/1945

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-5>

EDN ВРНУТД

1-я польская пехотная дивизия из интернированных и ссылных поляков: от формирования до «битвы под Ленино» (май–октябрь 1943 г.)

Алексей Юрьевич Безугольный

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
Москва, Россия,
abesu111@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>

Aleksei Yu. Bezugol'nyi

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
abesu111@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>

Аннотация. Статья посвящена политическим, военным и демографическим аспектам формирования в Советском Союзе в мае 1943 г. 1-й польской пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко. Рассмотрены такие факторы, как численность и состав контингента польских ссыльнопоселенцев и военнопленных, перемещенных во внутренние регионы СССР после 1939 г.; первый опыт формирования польской армии под командованием В. Андерса в 1941–1942 гг.; усилия советских спецслужб по подбору руководящего состава дивизии и подготовке политической почвы для ее формирования. Дана характеристика личности, профессиональных качеств, политической позиции командира дивизии З. Берлинга, а также обстоятельств его биографии, имевших отношение к сотрудничеству с советскими властями. В статье приведен анализ усилий советской стороны, нацеленных на международную легитимацию 1-й польской пехотной дивизии, связанных со скрупулезным воспроизведением польской военной традиции. Большое внимание в статье уделено политическим и военным обстоятельствам боевого крещения польского соединения, получившего в польской историографии наименование «битва под Ленино». Показано, что, несмотря на достаточно сомнительные результаты двухдневного боя, советская дипломатия получила возможность продемонстрировать положительный опыт советско-польского боевого содружества на Тегеранской конференции и приобрела дополнительный аргумент для заявления своей претензии на послевоенное устройство Польши. Отмечается, что опыт формирования 1-й пехотной дивизии им. Т. Костюшко был признан успешным и стал

© Безугольный А.Ю., 2023

© Bezugol'nyi A., 2023

первым шагом в строительстве польских войск, быстро набравшем темп с помощью Советского Союза.

Ключевые слова: 1-я польская пехотная дивизия им. Т. Костюшко, Государственный Комитет Обороны, Войско польское, Союз польских патриотов, З. Берлинг, Г.С. Жуков, В. Андерс

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00405 «Иностранские воинские формирования, созданные Советским Союзом для борьбы с нацистской Германией в годы Великой Отечественной войны: политические решения, организация, комплектование», <https://rscf.ru/project/22-28-00405/>).

Для цитирования: Безугольный А.Ю. 1-я польская пехотная дивизия из интернированных и ссыльных поляков: от формирования до «битвы под Ленино» (май–октябрь 1943 г.) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1320–1359, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-5>

Polish First Infantry Division of Interned and Exiled Poles: From Its Formation to the “Battle of Lenino” (May–October 1943)

Abstract. The article is devoted to the political, military, and demographic aspects of the formation of the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division in the Soviet Union in May 1943. It examines such factors as the number and composition of the contingent of Polish exiled settlers and prisoners of war relocated to the inland regions of the USSR after 1939; the first experience of the formation of the Polish army under the command of W. Anders in 1942–43; the efforts of the Soviet special services to select the leadership for the division and prepare the political ground for its formation. The characteristics of the personality, professional qualities, and political position of the division commander Zygmunt Berling as well as the facts from his biography related to cooperation with the Soviet authorities are also provided. The article analyzes the efforts of the Soviet side aimed at the international legitimization of the Polish 1st Infantry Division, associated with the scrupulous reproduction of the already established Polish military tradition. Much attention in the article is paid to the political and military circumstances of the baptism of fire of the Polish Division, which was given the name “the Battle of Lenino” in Polish historiography. It is shown that despite the rather dubious results of the two-day battle, Soviet diplomacy obtained an opportunity to demonstrate the Soviet-Polish “brotherhood in arms” at the Tehran Conference and received an additional reason for declaring its claim to the post-war structure of Poland. It is noted that the experience of formation of the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division was recognized as successful and became the first step in the formatting of Polish troops, which was rapidly gaining pace with the assistance of the Soviet Union.

Keywords: Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division, State Defense Committee, Polish Army, Union of Polish Patriots, Z. Berling, G. Zhukov, W. Anders

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00405 “Foreign Military Formations Created by the Soviet Union to Fight Nazi Germany during the Great Patriotic War: Political Decisions, Organization, Personnel Recruitment,” <https://rscf.ru/project/22-28-00405/>

For citation: Bezugol'nyi, A.Yu. “Polish First Infantry Division of Interned and Exiled Poles: From Its Formation to the “Battle of Lenino” (May–October 1943).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 4 (2023): 1320–59, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-5>

Введение

В годы Великой Отечественной войны представители десятков этносов воевали на советско-германском фронте плечом к плечу против немецких захватчиков и их сателлитов. Участие в боевых действиях принимали воинские формирования, созданные специально из числа граждан иностранных государств. Они не включались в состав советских вооруженных сил, а представляли оккупированные Третьим рейхом иностранные государства, их правительства в изгнании или общественно-политические организации, признанные Советским Союзом в качестве легитимных и полномочных представителей этих государств. Наиболее многочисленными из иностранных формирований были польские войска, строительство которых на территории СССР достигло наибольшего размаха в 1943–1945 гг. Созданное при содействии Советского Союза Войско польское к концу войны включало две общевойсковых армии, танковые, авиационные, артиллерийские соединения и части. Списочная численность польских войск превысила 300 тыс. человек. Они стали ядром вооруженных сил послевоенной «народной» Польши. Начало этому мощному движению было положено в мае 1943 г., когда решением Государственного Комитета Обороны была сформирована 1-я польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко.

В историографии советского периода иностранные формирования изучались под вполне определенным идеологическим углом, ведь именно от них отсчитывали свое начало армии Варшавского блока¹. Это накладывало свой отпечаток на качество работ, главной задачей которых была демонстрация «боевого братства» СССР с восточноевропейскими народами. Среди работ советского периода особо следует выделить кандидатскую диссертацию И.И. Шинкарева², подготовленную в Институте военной истории МО СССР на закрытых в тот период архивных источниках. В исследовании рассмотрены организационные основы иностранных, в том числе польских формирований.

Достижения современной российской историографии в этом вопросе незначительны. Следует отметить качественную работу рязанских краеведов В. Филиппова и Г. Ларина «Против общего врага. Советские воины в Войске

¹ См., например: Антосяк А.В., Афанасьев Н.П., Макаров Л.П. и др. Зарождение народных армий стран – участниц Варшавского Договора. 1941–1949. Москва: Наука, 1971; Боевое содружество советского и польского народов / под редакцией П.А. Жилина. Москва: Воениздат, 1973; Братство по оружию / под редакцией П.А. Жилина, Э. Ядзяка. Москва: Воениздат, 1975 и др.

² Шинкарев И.И. Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Военно-политическая ордена Ленина Краснознаменная академия имени В. И. Ленина, 1967.

Польском»³, охватывающую широкий круг вопросов, связанных с военным строительством польских частей в СССР; статьи А.А. Здановича в «Военно-историческом журнале», посвященные истории формирования польской армии В. Андерса⁴ и 1-й пехотной дивизии под командованием З. Берлинга⁵; биографическую статью А.Ф. Носковой о З. Берлинге⁶.

Современная польская историография достаточно плодотворна и разнообразна, и при этом наиболее политизирована. В господствующей в ней концепции «двух оккупаций» Польши (Третьим рейхом и Советским Союзом) для польских войск, сформированных в СССР, не находится позитивной исторической ниши. Тем не менее, масштаб этих польских формирований и их вклад в освобождение территории своей страны игнорировать невозможно. Среди профессиональных исследователей, изучающих «Войско польское на Востоке», есть представители академической и университетской науки, военных музеев и других научно-исторических учреждений, в том числе Е. Коспат-Павловский (E. Kospath-Pawłowski), С. Ячиньский (S. Jaczyński), С. Зволинский (S. Zwoliński), Х. Станчик (H. Stańczyk), Ч. Гжеляк (Cz. Grzelak), К. Качмарек (K. Kaczmarek) и др.⁷ Их исследования отличаются привлечением

³ Филиппов В.В., Ларин Г.В. Против общего врага. Советские воины в Войске Польском. 1943–1968 гг. Рязань: Рязанская областная типография, 2021.

⁴ Зданович А.А. Роль НКВД в формировании польской армии В. Андерса (1941–1942 гг.) // Военно-исторический журнал. 2010. № 9. С. 53–60.

⁵ Зданович А.А. «Польская воинская часть... высоко поднимет вес и авторитет поляков в ходе войны и в становлении послевоенной Европы». Рождение Войска польского (1942–1944 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 48–54.

⁶ Носкова А.Ф. Генерал З. Берлинг: штрихи к политическому портрету // Профессор Московского университета И.М. Белявская: материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора МГУ им. М.В. Ломоносова И.М. Белявской / под редакцией Г.Ф. Матвеева, Х.Х. Хайретдинова. Москва: Издательство Московского университета, 2005. С. 263–279.

⁷ Kospath-Pawłowski E. Wojsko Polskie na Wschodzie 1943–1945. Pruszków: Oficyna Wydawnicza “Ajaks”, 1993; Jaczyński S. Zygmunt Berling. Między sławą a potępieniem. Warszawa: Książka i wiedza, 1993; Grzelak Cz., Stańczyk H., Zwoliński S. Bez możliwości wyboru. Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945. Warszawa: Bellona, 1993; Nalepa E.J. Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim 1943–1968. Warszawa: Bellona, 1995; Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy: udział 1. Dywizji piechoty im. Tadeusza Kościuszki w bitwie pod Lenino / pod redakcją S. Zwoliński. Warszawa: Neriton, 2003; Kaczmarek K. Polskie wojsko na Wschodzie: 1943–1945: od Mierei do Łabyi Wełtawy. Lublin: Przedsiębiorstwo Poligraficzne, 2005; Nalepa E.J. Oddani partii Lenina i Stalina: czerwonoarmiści w Wojsku Polskim 1943–1968. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2018; Stańczyk H., Zwoliński S. Wojsko Berlinga i Żymierskiego 1943–1945. Warszawa: RYTM, 2015.

широкого круга источников и глубиной научного анализа. Недостатком этих работ является слабое привлечение к работе материалов российских архивов, основополагающих для изучения польских войск, сформированных в СССР.

Несмотря на то, что истории 1-й польской пехотной дивизии посвящен ряд серьезных работ, тем не менее, слабо изученными остаются политические аспекты ее формирования и проблемы комплектования рядовым и офицерским составом из числа поляков, освобожденных из ссылки. Их рассмотрению и посвящена данная статья.

Источниковую базу статьи составили архивные и опубликованные документы, раскрывающие вопросы формирования, комплектования и боевого применения 1-й польской пехотной дивизии. В Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) изучены материалы высших органов военного управления: Генерального штаба Красной армии, Уполномоченного по иностранным военным формированиям, Канцелярии НКО, главных управлений Красной армии, а также аналитические материалы, сопровождавшие принятие этих решений: разного рода переписка, справочные материалы органов, ответственных за кадровый вопрос и комплектование личным составом (ф. 2, 7, 56 и др.). В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) изучены документы фонда высшего чрезвычайного органа государственной власти – Государственного Комитета Обороны (ф. 644, оп. 1 и 2).

Используемый круг источников характеризует широкая представленность документальных публикаций, отражающих желание российской стороны донести и документально доказать свою позицию в крайне непростой истории взаимоотношений наших народов⁸. Издания, как правило, снабжены

⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза: Документы и материалы / авторы-составители С.Я. Лавренов и др. Москва: ТЕРРА, 1994; НКВД и польское подполье (По «Особым папкам» И.В. Сталина) / составители Т.В. Волокитина и др. Москва: ИСБ РАН, 1994; Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы / составители Н.С. Лебедева и др. Москва: Международный фонд «Демократия», 1999; Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. / под редакцией И.И. Костюшко. Москва: ИСБ РАН, 1997; Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / составитель Н.С. Лебедева. Москва: Весь Мир, 2001; «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...»: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 / составители Т.В. Волокитина и др. Москва; Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001; Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб / составители В. Виноградов, З. Гайовничек и др. Варшава: Министерство внутренних дел и администрации Республики Польша, Институт национальной памяти Республики Польша – Комиссия по преследованию преступлений против польского народа; Москва: Федеральная

качественным научно-справочным аппаратом, а вводные статьи к ним представляют собой самостоятельные глубокие исследования.

Основным методом исследования в данной статье является историко-генетический с опорой на источники, включающие архивные и опубликованные документы по истории 1-й польской дивизии и советско-польских отношений, а также на отечественную и польскую научную литературу.

Основная часть

Как известно, Польша в качестве суверенного государства прекратила свое существование после раздела ее территории между Германией и Советским Союзом в сентябре 1939 г. Польские войска, оказавшиеся на землях, отошедших СССР, были интернированы советской стороной. Следует оговориться, что в тот период правоприменительная практика в отношении принудительно удерживаемых Советским государством иностранных военнослужащих только начинала формироваться. В советской делопроизводственной документации тех лет польские военнослужащие, задержанные в сентябре–октябре 1939 г. в результате «освободительного похода», именуется «военнопленными» (125 тыс. чел.), а польские беженцы из числа военнослужащих и полицейских, задержанных на территории бывших прибалтийских государств в 1940 г. – «интернированными» (4,8 тыс. чел.⁹). В соответствии с положениями 5-й и 13-й Гаагских конвенций (1907), а также положениями Женевской конвенции об обращении с военнопленными (1929), польские военнослужащие, удерживаемые советскими властями с 1939 г., скорее подпадали под определение интернированных, поскольку ни Советский Союз, ни Польша не объявляли друг другу войны. Правовой режим интернированных должен был гарантировать сохранение за ними гражданской правоспособности и предусматривал более мягкий по сравнению с военнопленными режим содержания. Именно такой режим был применен в отношении нескольких сотен чехословацких легионеров, перешедших в расположение Красной армии по договоренности с советским командованием

служба безопасности Российской Федерации, Институт российской истории Российской академии наук, 2007; Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: в 4 т. / под редакцией М.М. Наринского, А.В. Мальгина. Москва: Аспект Пресс, 2017. Т. 4: 1939–1945 / составитель Н.С. Лебедева; Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. – декабрь 1945 г.: в 3 т. Москва: МФД, 2018. Т. 1. Апрель 1943 г. – август 1944 г. Ч. 1. Апрель 1943 г. – март 1944 г. / составитель О.К. Иванцова.

⁹ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / составители М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. Москва: Логос, 2000. С. 27.

осенью 1939 г. на территории Польши, а также к 119 французским и 14 британским военнослужащим, разными способами избежавшим немецкого плена и пересекшим границу СССР¹⁰.

Уже в первые дни войны, 3 июля 1941 г., советское правительство выразило принципиальное согласие приступить к формированию на территории СССР «национальных комитетов и национальных частей» из представителей западных и южных славян, пострадавших от нацистской агрессии – поляков, чехословаков и югославы. Сразу было заявлено, что Советский Союз не претендует на включение таких воинских частей в состав Красной армии. С польскими и чехословацкими представителями переговоры развернулись одновременно, уже в первые недели войны. По соглашению между советским и эмигрантским польским правительствами указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. все бывшие польские граждане были амнистированы. Освобождению из мест заключения, ссылки и высылки подлежали 391,6 тыс. чел. обоого пола¹¹. Очевидно, эта цифра отражает количество польских военнопленных, интернированных и ссылных гражданских лиц за вычетом умерших и насильственно умерщвленных за два года между осенью 1939 и августом 1941 г.¹² В последующем часть из них и составили контингент для формирования в СССР польских войск: сначала под командованием В. Андерса (1941–1942 гг.), затем – З. Берлинга (1943–1944 гг.).

Первый опыт формирования польских частей в 1941 – начале 1942 г. оказался крайне неудачным: созданную под командованием генерала В. Андерса более чем 70-тысячную польскую армию так и не удалось «уговорить» отправиться на советско-германский фронт. Под давлением эмигрантского правительства и союзников ее пришлось отпустить на Ближний Восток, где она усилила британские войска. Отношения с эмигрантским польским правительством, заседавшим в Лондоне и выступившим главным политическим контрагентом при формировании в СССР армии Андерса, зашли в тупик.

¹⁰ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. С. 27.

¹¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 194.

¹² Следует оговориться, что польская историография приводит совсем другие данные о депортированных поляках, считая данные НКВД существенно заниженными. Консенсусная оценка польских историков – 900 тыс. – 1 млн депортированных поляков, но в наиболее официозных изданиях Института национальной памяти предлагается и цифра 1 692 тыс. человек. Большинство из них, как утверждается, погибли на территории СССР (*Polska pod reżimem komunistycznym. Sp rawozdanie z sytuacji w kraju (1944–1949) / wstęp i opracowanie naukowe J. Mysiakowska-Muszyńska, W.J. Muszyński. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2015. S. 56–57*).

Летом 1942 г., после эвакуации армии В. Андерса, в среде советского военно-политического руководства ощущалась определенная растерянность по поводу перспектив советско-польского военного сотрудничества. Создание новых польских воинских формирований не планировалось. Осенью 1942 г. обсуждалась возможность активизации партизанской борьбы на территории Польши с использованием тех немногочисленных проверенных кадров польских офицеров, которые остались в Советском Союзе. Однако дальнейшее, уже необратимое ухудшение отношений с эмигрантским правительством, вызванное развернутой в СССР в начале 1943 г. паспортизацией бывших польских граждан, а затем и международным скандалом, разразившимся в апреле 1943 г. после обнародования нацистами обстоятельств обнаружения ими места расстрела польских военнослужащих под Катынью, подтолкнуло к иному решению.

Разрыв дипотношений с эмигрантским правительством, последовавший за указанными событиями, как это ни удивительно, сыграл на руку советскому руководству, позволив разрубить гордиев узел давно и безнадежно испорченных отношений и радикально переформатировать политику на польском направлении без оглядки на международное мнение и польскую эмиграцию. Теперь можно было самим создать себе в польских делах «союзную сторону», более сговорчивую не только в вопросе воинских формирований, но и во взглядах на фундаментальные проблемы советско-польских отношений, среди которых на первом месте стоял вопрос о государственной границе между СССР и Польшей¹³. Разумеется, такой разворот в польском вопросе был возможен только на фоне стратегических побед Красной армии под Сталинградом и на Северном Кавказе, ясно обозначивших коренной перелом в войне, который позволил уже вполне определенно размышлять о контурах послевоенного устройства Восточной Европы¹⁴.

Удобным для советской стороны контрагентом стал организованный под плотной опекой органов госбезопасности¹⁵ весной 1943 г. Союз польских патриотов в СССР (СПП), который возглавили польская писательница левых взглядов В. Василевская, проживавшая в СССР, и полковник З. Берлинг – один из немногих офицеров, добровольно оставшихся в Советском Союзе после

¹³ Носкова А.Ф. Сталин и Армия Крайова (к формированию позиции советского руководства) // Российские и славянские исследования / под редакцией А.П. Салькова, О.А. Яновского. Минск: Белорусский государственный университет, 2008. Вып. 3. С. 320.

¹⁴ Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy. S. 29.

¹⁵ Зданович А.А. «Польская воинская часть... высоко поднимет вес и авторитет поляков в ходе войны и в становлении послевоенной Европы». С. 48–51.

эвакуации армии В. Андерса. Василевская была вполне лояльна СССР, состояла в гражданском браке со знаменитым в те годы советским писателем и драматургом А.Е. Корнейчуком, назначенным заместителем наркома иностранных дел СССР как раз для представительства советских интересов среди зарубежных славян.

Полковник З. Берлинг, командир 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко. 1943 г.
Фото из открытых источников

Первым же заявлением СПП стал призыв к руководству Советского Союза о разрешении создать польскую воинскую часть для совместной борьбы с фашизмом. В феврале 1943 г. И.В. Сталин дал свое согласие на формирование польской части¹⁶. Окончательное решение было принято в апогей международного катынского скандала – 18 апреля 1943 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), о чем по телефону тотчас же, ночью, были уведомлены В. Василевская и З. Берлинг¹⁷. 6 мая 1943 г. Государственный Комитет Обороны своим постановлением № 3294сс удовлетворил ходатайство СПП о создании на территории Советского Союза польской пехотной дивизии¹⁸. Ее командиром был назначен З. Берлинг. 9 мая 1943 г. в «Правде» было опубликовано соответствующее официальное сообщение. В газете отмечалось, что дивизия получила имя народного героя Тадеуша Костюшко и что ее формирование «уже начато»¹⁹.

¹⁶ Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy. S. 34.

¹⁷ Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy. S. 38–39.

¹⁸ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 406–407.

¹⁹ О формировании польской дивизии имени Тадеуша Костюшко // Правда. 1943. № 119 (9255), 9 мая. С. 4.

Так состоялось второе рождение польских воинских частей для борьбы с германским нацизмом на территории СССР. После того, как советское руководство «обожглось» на армии В. Андерса, оно более не желало выпускать из своих рук нити руководства процессом строительства и боевого применения польских, да и любых других иностранных воинских частей. Новые польские формирования создавались под строжайшим контролем советской стороны и уже безо всякого участия польского эмигрантского правительства. Подбором и проверкой руководящего состава для 1-й пехотной дивизии занимался аппарат Уполномоченного по иностранным формированиям при Ставке Верховного Главнокомандования, руководимый комиссаром госбезопасности Г.С. Жуковым.

Уполномоченный Ставки Верховного Главнокомандования по иностранным формированиям
в СССР в 1942–1944 гг., комиссар госбезопасности 3-го ранга Г.С. Жуков

Фото из открытых источников

Постановление ГКО № 3294сс от 6 мая 1943 г., объявившее о том, что 1-я польская пехотная дивизия сформирована, венчало большую негласную работу с польскими политэмигрантами и оставшимися в СССР польскими офицерами, проведенную органами госбезопасности. Ими же был инспирирован поток писем в советское правительство от проживавших в различных уголках Советского Союза поляков, призывавших создать союзную Красной армии польскую воинскую часть²⁰. Именно на эти письма ссылалась В. Василевская, убеждая И.В. Сталина в необходимости принятия такого решения²¹. На этот раз

²⁰ *Зданович А.А.* «Польская воинская часть... высоко поднимет вес и авторитет поляков в ходе войны и в становлении послевоенной Европы». С. 50.

²¹ *Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy.* S. 35.

в руках Уполномоченного Г.С. Жукова были сосредоточены все организационные рычаги. В постановлении ГКО, проект которого готовил сам Жуков, прямо указывалось:

Проведение практических мероприятий по формированию и обеспечению польской стрелковой дивизии возложить на комиссара государственной безопасности т. Жукова²².

Государственный Комитет Обороны обязывал начальников главных управлений НКО (в постановлении перечислены А.С. Щербаков, А.В. Хрулев, Е.А. Щаденко, Ф.И. Голиков, Я.Н. Федоренко, Н.Д. Яковлев) и даже наркома путей сообщения Л.М. Кагановича «выполнять все заявки т. Жукова, связанные с формированием, вооружением, снабжением и боевой подготовкой польских частей»²³.

Сосредоточение всей организационной деятельности в одних руках и избавление от необходимости утомительных согласований с польским правительством в Лондоне дали быстрый положительный эффект. Организационно и численно польские войска, создаваемые Советским Союзом, стремительно росли. Формирование 1-й польской пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко под командованием полковника З. Берлинга началось в мае 1943 г., а уже 10 августа 1943 г. (вновь по инициативе СПП) 1-я пехотная дивизия была развернута в армейский корпус двухдивизионного состава, усиленный артиллерийской и танковой бригадами, авиационным полком и другими частями²⁴. В дальнейшем темп строительства польских войск в СССР только ускорялся: в декабре 1943 г. формируется 3-я пехотная дивизия, весной 1944 г. – 1-я польская армия, танковые, авиационные соединения. В сентябре 1944 г. уже две польские армии и партизанская Армия Людова объединились в Войско польское.

²² Постановление ГКО СССР № 3294 о формировании польской стрелковой дивизии им. Тадеуша Костюшко. 6 мая 1943 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 113. Л. 168–169.

²³ Там же.

²⁴ Отношение Уполномоченного Ставки Верховного Главнокомандования по иностранным военным формированиям на территории СССР командующему войсками Московского военного округа о подготовке и оборудовании военного лагеря для польского армейского корпуса и оказании помощи командованию корпуса в формировании и материально-техническом обеспечении корпуса // Документальная коллекция Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – Документальная коллекция НИИВИ). Ф. 202. Оп. 244. Д. 5. Л. 17–18.

Политически новые польские формирования были полностью оторваны от лондонского правительства – в то время единственного международно признанного правопреемника польской государственности. Однако советская сторона сделала все возможное, чтобы наделить свое новое детище легитимностью в глазах польской и международной общественности. Прежде всего, это достигалось за счет воспроизведения архетипических черт польской военной традиции – униформы, внутреннего распорядка службы, учреждения должностей военных капелланов, польских воинских званий, военной символики и маршевых песен. Приведение 1-й пехотной дивизии к военной присяге точно соответствовало польскому военному церемониалу, а выбранная дата присяги отсылала к победной традиции польского оружия (15 июля 1943 г. – 533-я годовщина Грюнвальдской битвы). 1-й и последующим формируемым дивизиям присваивались имена польских национальных героев. Символический ряд, нацеленный на культивирование в поляках патриотических чувств, можно продолжать и дальше. Советская сторона проявила всю возможную в тех условиях деликатность, чтобы ничто не напоминало полякам о том, при каких обстоятельствах они несколько лет назад оказались в Советском Союзе.

По многочисленным свидетельствам, как с советской, так и с польской стороны, использование указанного антуража создавало в частях здоровую патриотическую атмосферу, а на вновь прибывавших поляков производило неизгладимое, часто ошеломляющее впечатление. Таким образом, усилия, направленные на создание особой атмосферы польскости, не были потрачены зря. Пожалуй, только в одном был допущен досадный промах: в угоду классовой идеологии традиционный символ государственной власти – польский орел (так называемый пястовский орел) был лишен короны, из-за чего получил среди поляков презрительное прозвище «курица».

Безусловно, двигателем вторичного возрождения польской армии, в том числе воссозданием ее традиционного антуража, в этот период являлся польский кадровый офицер, полковник З. Берлинг, вскоре получивший звание генерал-майора, а затем – и генерал-лейтенанта Красной армии. Сам выбор И.В. Сталиным Берлинга был глубоко символическим: во главе польских войск требовался не просто проверенный офицер польского происхождения, но кадровый офицер армии довоенной Польши – Второй Речи Посполитой, к тому же происходивший из легионеров²⁵, составлявших ядро польского офицерства в межвоенный период. Советский офицер польского происхождения (например,

²⁵ Польские легионы – воинские формирования австро-венгерской армии (1914–1918), воевавшие на Восточном фронте против Русской армии.

рассматривалась кандидатура полковника Красной армии Б. Кеневича²⁶) на эту роль не подходил.

Хотя Берлинг и прошел через арест и лагерь НКВД в 1939–1940 гг., он, судя по всему, был настроен на сближение своей страны с восточным соседом, с 1940 г. сотрудничал с НКВД, при этом ни на минуту не забывая об интересах Польши, возрождению которой были посвящены все его помыслы. В армии генерала В. Андерса он являлся начальником штаба 5-й пехотной дивизии, но со скандалом расстался со своим командующим и вместе с несколькими другими офицерами остался в СССР, за что в июле 1943 г. был заочно разжалован и осужден трибуналом армии Андерса к смертной казни как дезертир²⁷. С Берлингом и другими польскими военными и политическими деятелями в 1943 г. Жуков действовал заметно более целеустремленно и уверенно, чем ранее с Андерсом, с которым много времени было потрачено на увещевания, уговоры и выяснение того, «когда польская армия думает воевать»²⁸.

Неблагоприятным фактором при формировании 1-й пехотной дивизии являлось состояние контингента бывших польских граждан на территории СССР. Его количество было ограничено, а физические качества, вследствие известных условий жизни, были не лучшими. В 1942 г. в Иран из СССР было эвакуировано 119,9 тыс. поляков, в том числе 76,1 тыс. военнослужащих армии В. Андерса²⁹. Таким образом, запас лиц, годных к военной службе, которых можно было призвать под польские знамена, существенно сократился.

Оценить оставшееся количество бывших польских граждан советские власти смогли в ходе паспортизации, когда в соответствии с решением СНК СССР от 15 января 1943 г. им вновь было присвоено советское гражданство. Всего в 1943 г. советские паспорта были выданы 165 208 бывшим польским гражданам, еще 24 151 чел. признали польскими гражданами, а 1 583 поляка осудили за отказ получить советский паспорт. В контексте данного исследования важно отметить, что в ходе паспортизации было выявлено 63 050 лиц мужского пола призывного возраста³⁰. Это обстоятельство позволяло рассчитывать на возможность формирования нескольких крупных соединений из поляков и, в конце концов, оказало влияние на принятие соответствующего государственного решения. Данные персонального учета, полученные при паспортизации бывших польских граждан, сосредоточенные в органах

²⁶ *Jaczyński S.* Zygmunt Berling. Między sławą a potępieniem. P. 62.

²⁷ *Cenckiewicz S.* Geneza Ludowego Wojska Polskiego, 1943–1945. Warszawa: Akademia Sztuki Wojennej, 2017. S. 20.

²⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). СССР и Польша: 1941–1945. С. 62.

²⁹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 494.

³⁰ *Филиппов В.В., Ларин Г.В.* Против общего врага. С. 50.

внутренних дел, в дальнейшем использовались при проведении мобилизаций поляков в польские части.

По постановлению ГКО № 3294сс от 6 мая 1943 г. для комплектования 1-й польской дивизии надлежало использовать «бывших польских граждан, поляков по национальности», набор которых следовало «начать из стройбатальонов всех наркоматов, включая и НКВД»³¹. Забронированные граждане призывались на общих основаниях. Кроме указанного контингента постановлением ГКО допускался прием добровольцев двух категорий: бывших граждан Польши «непольских национальностей», а также поляков – «коренных жителей и граждан СССР»³². Во избежание кривотолков, призываемым разъяснялось, что, хотя они направляются в польские части, их семьи будут пользоваться льготами, положенными военнослужащим Красной армии³³.

Уже к концу мая 1943 г. в Селецкие лагеря в Рязанской области, где было определено место формирования дивизии, явились 15 594 поляка при штатной потребности дивизии в количестве 11 444 чел.³⁴ Значительная часть добровольцев, прибывавших со всех концов Советского Союза³⁵, среди которых было много «бывших осадников»³⁶, чиновников и т.п.³⁷, готовилась вступить еще в армию В. Андерса, однако, в связи с лимитированием ее численности, в 1941–1942 гг. в состав этой армии были зачислены далеко не все желающие. Люди, не успевшие к эвакуации, были обозлены на Андерса,

³¹ В штабах Победы. 1941–1945: Документы: в 5 кн. / под редакцией А.К. Сорокина. Кн. 3. 1943. «Ломая упорное сопротивление врага...». Москва: Научно-политическая книга, 2020. С. 189.

³² Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 406–407.

³³ Справка-заместитель № 8419 командующему войсками ПриВО. 9.5.1943 г. // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 131. Оп. 12951. Д. 52. Л. 12–13.

³⁴ Акт проверки боевой готовности 1-й польской пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко // Документальная коллекция НИИВИ. Ф. 202. Оп. 244. Д. 5. Л. 37.

³⁵ В составе 1-й польской пехотной дивизии были лица, прибывшие из Архангельского (1 673 чел.), Приволжского (315 чел.), Уральского (1629 чел.), Южно-Уральского (775 чел.), Сибирского (4 305 чел.), Среднеазиатского (2 100 чел.) военных округов, Забайкальского (887 чел.) и Дальневосточного (100 чел.) фронтов (Сведения о ходе укомплектования 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко на 7.6.1943 // ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12214. Д. 668. Л. 28 об.).

³⁶ Осадники (польск. *osadnicy*) – польские колонисты-переселенцы, получившие после окончания советско-польской войны и позднее земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии с целью активной полонизации территорий, отошедших Польше по Рижскому мирному договору 1921 г.

³⁷ Доклад о боевой готовности соединений и частей 1-го польского армейского корпуса в СССР на 15 января 1944 г. // ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 11626. Д. 339. Л. 91.

поспешно покинувшего Советский Союз и оставившего их на произвол судьбы³⁸. Поэтому выпавший им второй шанс они использовали без раздумий. Добровольцы следовали к месту формирования самостоятельно по разрешительным документам, выдаваемым им местными органами власти.

Образовавшийся первоначально избыток добровольцев позволял призывной комиссии придирчиво отбирать кандидатов. В первую очередь принимались бывшие польские граждане и поляки, являвшиеся коренными жителями и гражданами СССР. Эти категории принимались в состав дивизии практически без отсева. Что касается польских евреев, а также украинцев и белорусов из числа бывших польских граждан, то 70–80 % из них откомандировывались обратно, по месту проживания³⁹. Основная масса поляков прибывала из внутренних военных округов (Московского, Архангельского, Приволжского, Уральского, Южно-Уральского, Среднеазиатского, Сибирского), а также с невоюющих фронтов (Дальневосточного, Забайкальского, Закавказского). Всего с мая 1943 г. до середины января 1944 г. оттуда было отправлено 34,3 тыс. человек⁴⁰.

Комплектование 1-й польской пехотной дивизии им. Костюшко, начатое в мае 1943 г., ожидаемо сразу же столкнулось с острой нехваткой офицеров. После эвакуации армии Андерса количество оставшихся на советской территории польских офицеров, лояльных советской власти, исчислялось единицами. Без опытных строевых командиров, штабных офицеров, специалистов артиллерии, связи, тыловых служб и др., эти воинские части как боевые единицы не могли бы состояться. Среди поляков, прибывших на комплектование частей дивизии в Селецкие лагеря, данная группа составляла лишь 1,1 % (173 чел.) всего контингента⁴¹. По национальности 79 % из них были поляками, 9,5 % – польскими евреями, 11,5 % – русскими, украинцами и белорусами⁴².

В этот период использовалось несколько источников для замещения офицерских должностей в польской дивизии: откомандирование офицеров

³⁸ Litwa A. Od martwej Warszawy po piekło Wału Pomorskiego. Rzeszów: Fosze, 1997. S. 21.

³⁹ Сведения о ходе укомплектования 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко на 7.6.1943 // ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12214. Д. 668. Л. 7.

⁴⁰ Всего, согласно справке наркома внутренних дел Л.П. Берии, подготовленной по указанию И.В. Сталина 3 мая 1944 г., в 1943 г. в польские формирования З. Берлинга было передано 36 510 бывших польских граждан (Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 494).

⁴¹ Шинкарев И.И. Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны. С. 39.

⁴² Шинкарев И.И. Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны. С. 39.

польской национальности (советских граждан) из частей Красной армии⁴³; переподготовка на двухмесячных курсах наиболее способных младших командиров и рядовых с последующим их выдвижением на должности средних командиров; подготовка старших командиров из средних командиров-поляков на кратковременных курсах.

Подготовка средних офицеров нужных специальностей была развернута на краткосрочных курсах в целом ряде военных училищ: Рязанском пехотном (600 чел.), Тамбовском артиллерийско-техническом (50 чел.), 3-м Ленинградском артиллерийском (120 чел.), Московском инженерном, Рязанском автомобильном, Мурманском училище связи (по 50 чел.)⁴⁴.

Принятыми мерами к концу августа 1943 г. польская дивизия в основном была укомплектована офицерами: налицо имелось 892 чел. из 1 093 штатных должностей⁴⁵. 325 чел. из этого числа являлись советскими поляками, откомандированными из частей Красной армии⁴⁶.

Польские военнослужащие приносят присягу
Фото из открытых источников

⁴³ По состоянию на 1 января 1943 г. в частях Красной армии числилось 1558 лиц начсостава (Командный состав за Красную армию [по национальностям] // ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 37).

⁴⁴ Шинкарев И.И. Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны. С. 41.

⁴⁵ Акт проверки боевой готовности 1-й польской пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко. 30 августа 1943 г. // Документальная коллекция НИИВИ. Ф. 202. Оп. 244. Д. 5. Л. 37.

⁴⁶ Шинкарев И.И. Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны. С. 41.

К концу августа 1943 г. 1-я пехотная дивизия была полностью укомплектована. Она была оснащена значительно лучше советских стрелковых дивизий, имея в своем составе 12 144 чел., части усиления, в том числе штатный танковый полк (32 средних танка и 7 легких)⁴⁷. В этом отношении мало какое советское стрелковое соединение того периода могло с ней сравниться. А в Селецких лагерях из избытков прибывших на формирование 1-й польской дивизии уже начали формировать 2-ю пехотную дивизию.

Если в случае с армией Андерса в конце 1941 – начале 1942 г. советское правительство всячески торопило поляков с отправкой на фронт, и проволокчки со стороны польского командования стали главным яблоком раздора, то во второй половине 1943 г. ситуация кардинальным образом поменялась. После коренного перелома в Великой Отечественной войне внешнеполитическая функция польских войск становилась важнее. Накануне встречи глав государств антигитлеровской коалиции в Тегеране, на которой, в числе прочего, планировалось обсуждение и польского вопроса, боеспособное польское соединение (к тому моменту уже развернутое в армейский корпус) в руках И.В. Сталина становилось важным политическим активом⁴⁸. Необходима была демонстрация этой боеспособности, но не более того. Поэтому, хотя 1-я польская дивизия была передана в состав войск Западного фронта еще 30 августа 1943 г., в бой она была введена лишь спустя полтора месяца. Командующему фронтом было указано: «Использование дивизии – только с разрешения Ставки»⁴⁹.

Боевое крещение 1-й пехотной дивизии состоялось в октябре 1943 г.: 12–13 октября она приняла участие в боях на заболоченном берегу р. Мереи в районе пос. Ленино, Ползухи и Тригубово Могилевской обл. в рамках Оршанской наступательной операции войск 33-й армии Западного фронта (12 октября – 2 декабря 1943 г.).

Дебют польских войск на советско-германском фронте, получивший в польской историографии наименование «битва под Ленино», едва ли можно признать успешным. Действуя в местности, неблагоприятной для организации наступления, при недостаточной артиллерийской поддержке (подвоз боеприпасов был затруднен), части польской дивизии сначала вырвались

⁴⁷ Донесение о боевом составе 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко по состоянию на 10 октября 1943 г. // Документальная коллекция НИИВИ. Ф. 202. Оп. 244. Д. 7. Л. 13.

⁴⁸ *Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy*. S. 37.

⁴⁹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 23 (12–3). Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны, 1943 г.: Документы и материалы / составители А.Д. Ефремов и др. Москва: ТЕРРА, 1999. С. 288.

вперед относительно малочисленных, потрепанных в боях советских дивизий. Взаимодействие с соседями, авиацией и артиллерией расстроилось еще в самом начале атаки, 12 октября. Польская дивизия попала в огневой мешок и потеряла 2 859 чел., в том числе 614 убитыми и до 1 300 ранеными⁵⁰. Советское же руководство лишней раз уяснило себе, что военная польза от применения польских войск ничтожна в сравнении с политической и все усилия по их формированию могут сгореть в нескольких подобных боях. Поэтому волей-неволей советская сторона пришла к решению, на котором твердо настаивал еще генерал В. Андерс, – использовать польские соединения только единым кулаком и только в боях за Польшу. Польские части надолго были выведены с линии фронта и вновь оказались на передовой только в июле 1944 г. – для освобождения родной земли.

Жестокие потери в скоротечном двухдневном бою, к чему поляки были совсем непривычны, произвели гнетущее впечатление на личный состав дивизии. Уже наслышанные о победах Красной армии⁵¹ поляки рассчитывали, что им останется лишь идти за огненным валом, «за которым можно спокойно пить чай»⁵². 3. Берлинг высказывал претензии соседним подразделениям Красной армии, не поддержавшим его с флангов⁵³. Однако, вне зависимости от реальных результатов, «день 12 октября – день трудного, но славного начала пути к общей победе над врагом – стал праздником народного Войска Польского»⁵⁴. Уже очень скоро «боевые заслуги» 1-й польской дивизии стали предметом «большой воспитательной работы» польских политработников, и вокруг дивизии сформировался ореол опытного обстрелянного соединения. 11 ноября 1943 г. сотни поляков были награждены советскими орденами и медалями, а трое стали Героями Советского Союза. Из двухдневной «битвы под Ленино» был извлечен и требуемый дипломатический эффект: на

⁵⁰ Филиппов В.В, Ларин Г.В. Против общего врага. С. 70.

⁵¹ Ветеран 1-й польской армии Ян Замоиский вспоминал, что в глазах поляков советская армия уже определенно «отличалась от той, что была в 1941–1942 гг., в сопротивление которой [генерал В.] Андерс не верил. Это была армия, которая уже совершила перелом в войне, ощутила вкус победы и обрела уверенность. И это создавало уже другую атмосферу...» (*Zamojski J.E. Wojsko polskie na frontie wschodnim (przymierze czy brak wyboru?) // Dzieje Najnowsze. 2004. № 1. S. 167–188*).

⁵² Донесение о боевом составе 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко по состоянию на 10 октября 1943 г. // Документальная коллекция НИИВИ. Ф. 202. Оп. 244. Д. 7. Л. 25.

⁵³ Описание боевых действий 1-й польской дивизии им. Т. Костюшко за период с 12 по 13 октября 1943 г. 18 октября 1943 г. // ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2408. Л. 38–44.

⁵⁴ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны: в 2 кн. Москва: Воениздат, 1981. Кн. 2. С. 306.

Московской конференции министров иностранных дел 29 октября 1943 г. советская сторона заявила следующее: «Находящаяся у нас польская дивизия очень хорошо, героически сражается против немцев»⁵⁵. То же самое через месяц в Тегеране было сказано И.В. Сталиным У. Черчиллю и Ф. Рузвельту.

Заключение

«Битвой под Ленино» завершился первый этап вторичного формирования польских войск на территории СССР. Учтя неудачный опыт с армией В. Андерса в 1941–1942 гг., на этот раз советское руководство застраховалось от срыва нового проекта тем, что пресекло любое внешнее воздействие на него (прежде всего, со стороны польского эмигрантского правительства). Это значительно ускорило и упростило формирование 1-й пехотной дивизии и последующих польских частей, убрало барьеры на пути их боевого применения. С другой стороны, именно это обстоятельство в дальнейшем, после вступления на польскую землю, гарантировало сформированным в Советском Союзе польским частям дефицит легитимности. В известной мере он был компенсирован скрупулезным воспроизведением внешних атрибутов польской военной традиции. Тем не менее, «берлинговцы» воспринимались в Польше как «советские» польские войска и заметно уступали в популярности партизанской Армии Крайовой, подчинявшейся эмигрантскому правительству.

⁵⁵ Парсаданова В.С. Варшавское восстание 1944 г. Движение Сопротивления в Польше 1939–1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты: в 2 ч. Москва: Издательские решения, 2018. Ч. 1. С. 288.

Introduction

During the Great Patriotic War, representatives of dozens of ethnic groups fought on the Soviet-German front shoulder to shoulder against the German invaders and their satellites. Military formations assembled specifically from among foreign citizens also took part in the hostilities. They were not included in the ranks of the Soviet armed forces but represented the foreign states occupied by the Third Reich, their governments in exile, or socio-political organizations recognized by the Soviet Union as legitimate and authorized representatives of these states. The most numerous of the foreign formations were Polish troops, the formation of which in the territory of the USSR reached its greatest extent in 1943–45. Formed with the assistance and under the support of the Soviet Union, the Polish Army had included two combined armies, tank units, aviation units, and artillery formations and units by the end of the war. The listed number of Polish troops exceeded 300,000 people. They became the core of the armed forces of the post-war People's Poland. This powerful movement began in May 1943, when, following the decision of the State Defense Committee, the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division was formed and began its operation.

In the historiography of the Soviet period, foreign formations were studied from a very specific ideological point of view because it is them that gave rise to the armies of the future Warsaw bloc.¹ That left its mark on the quality of works on the subject, the main task of which was to demonstrate the "brotherhood in arms" of the USSR and the Eastern European peoples. Among the works of the Soviet period, the PhD dissertation of I. Shinkarev, prepared at the Institute of Military History of the USSR Ministry of Defense based on archival sources that were classified at that time, should be especially stressed.² The study examines the organizational foundations of foreign formations, including Polish formations.

The achievements of present-day Russian historiography in this matter are quite insignificant. However, several works merit special attention. Among them are a high-quality work of Ryazan local historians V. Filippov and G. Larin "Against a Common Enemy. Soviet Soldiers in the Polish Army,"³ which covers a wide range of

¹ See, e.g., A.V. Antosyak, N.P. Afanas'ev, L.P. Makarov, et al., *The Emergence of the People's Armies of the Countries Participating in the Warsaw Pact. 1941–1949* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1971); P.A. Zhilin, ed., *Military Community of the Soviet and Polish Peoples* [in Russian] (Moscow: Voenizdat, 1973); P.A. Zhilin and E. Jadziak, eds., *Brotherhood in Arms* [in Russian] (Moscow: Voenizdat, 1975); et al.

² I.I. Shinkarev, "The Role of the Soviet Union in the Creation of the Armed Forces of the Countries of Eastern and South-Eastern Europe during the Great Patriotic War" [in Russian] (PhD thesis, V.I. Lenin Military-Political Academy, 1967).

³ V.V. Filippov, G.V. Larin, *Against a Common Enemy. Soviet Warriors in the Polish Army. 1943–1968* [in Russian] (Ryazan: Ryazaskaya oblastnaya tipografiya, 2021).

issues related to the military development of Polish units in the USSR; a series of articles by A. Zdanovich in the *Voенно-istoricheskii zhurnal* dedicated to the history of the formation of the Polish army under Anders' command⁴ and to the formation of the 1st Infantry Division under Berling's command;⁵ a biographical article by A. Noskova devoted to Berling.⁶

Contemporary Polish historiography is quite rich and diverse and at the same time the most politicized. In the prevailing concept of the "two occupations" of Poland (by the Third Reich and by the Soviet Union), there is no positive historical niche for the Polish troops formed in the USSR. However, the scale of those Polish formations and their contribution to the liberation of their country cannot be ignored. Among the professional researchers studying the "Polish Army in the East," there are representatives of academic and university science, various military museums, and other scientific historical institutions, including E. Kospath-Pawłowski, S. Jaczyński, S. Zwoliński, H. Stańczyk, Cz. Grzelak, K. Kaczmarek, T. Leszkowicz, et al.⁷ Their studies are distinguished by the involvement of a wide range of sources and the depth of scientific analysis. The disadvantage of these works is the rare use of materials from Russian archives, which are fundamental for the study of Polish troops formed in the USSR.

Even though several serious works have been devoted to the history of the Polish 1st Infantry Division, the political aspects of its formation and the problems of

⁴ A.A. Zdanovich, "The Role of the NKVD in the Formation of the Polish Army of W. Anders (1941–1942)" [in Russian], *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 9 (2010): 53–60.

⁵ A.A. Zdanovich, "The Polish Military Unit... Will Raise High the Weight and Prestige of the Poles during the War and in the Development Of Postwar Europe.' The Birth of the Polish Army (1942–1944)" [in Russian], *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 2 (2011): 48–54.

⁶ A.F. Noskova, "General Z. Berling: Touches to a Political Portrait" [in Russian], in *Professor of Moscow University I.M. Belyavskaya: Proceedings of the Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Professor of Lomonosov Moscow State University I.M. Belyavskaya*, ed. G.F. Matveev, and Kh.Kh. Khairtdinov (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2005), 263–79.

⁷ E. Kospath-Pawłowski, *Wojsko Polskie na Wschodzie 1943–1945* (Pruszków: Oficyna Wydawnicza "Ajaks", 1993); S. Jaczyński, *Zygmunt Berling. Między sławą a potępieniem* (Warszawa: Książka i wiedza, 1993); Cz. Grzelak, H. Stańczyk, and S. Zwoliński, *Bez możliwości wyboru. Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945* (Warszawa: Bellona, 1993); E.J. Nalepa, *Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim 1943–1968* (Warszawa: Bellona, 1995); *Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy: udział I. Dywizji piechoty im. Tadeusza Kościuszki w bitwie pod Lenino*, pod red. S. Zwoliński (Warszawa: Neriton, 2003); K. Kaczmarek, *Polskie wojsko na Wschodzie: 1943–1945: od Mierei do Łabyi Wełtawy* (Lublin: Przedsiębiorstwo Poligraficzne, 2005); E.J. Nalepa, *Oddani partii Lenina i Stalina: czerwonoarmiści w Wojsku Polskim 1943–1968* (Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2018); H. Stańczyk, and S. Zwoliński, *Wojsko Berlinga i Żymierskiego 1943–1945* (Warszawa: RYTM, 2015).

enrollment of privates and officers from among the Poles released from exile remain poorly studied. This is what the present article is devoted to.

The source base of the article consists of archival and published documents revealing the issues of the formation, personnel recruitment, and future combat use of the Polish 1st Infantry Division. In the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (hereinafter TsAMO RF), materials from the archives of the highest military control bodies were studied, including the General Staff of the Red Army, the Commissioner for Foreign Military Formations, the Office of the People's Commissariat of Defense, the main directorates of the Red Army, as well as analytical materials that accompanied the adoption of those decisions, such as various kinds of correspondence and reference materials of the bodies responsible for personnel issues and staffing (fonds 2, 7, 56, et al.). In the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), the documents studied included those of the fonds of the State Defense Committee, an extraordinary organ of state power in the Soviet Union during the war (F. 644, op. 1 and 2).

A wide range of documentary publications among the sources used reflects desire of the Russian side to convey and document its position in the extremely difficult history of relations between our two peoples.⁸ As a rule, publications are accompanied by high-quality references, and the introductory articles that come with the publications are also independent in-depth studies.

⁸ *Russian Archive. The Great Patriotic War* [in Russian], vol. 14 (3–1), *USSR and Poland: 1941–1945. On the History of the Military Alliance: Documents and Materials*, comp. S.Ya. Lavrenov et al. (Moscow: TERRA, 1994); *NKVD and the Polish Underground (According to J. Stalin's "Special Folders"* [in Russian], comp. T.V. Volokitina et al. (Moscow: ISB RAN, 1994); N.S. Lebedeva et al., comps. *Katyn: Prisoners of an Undeclared war: Documents and Materials* [in Russian], (Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiya", 1999); *Materials of the "Special folder" of the Politburo of the Central Committee of the RKP(b)–VKP(b) on the Issue of Soviet–Polish Relations, 1923–1944*, ed. I.I. Kostyushko (Moscow: ISB RAN, 1997); N.S. Lebedeva, comp., *Katyn. March 1940 – September 2000: Death by Shooting. The Fates of the Living. The Echoes of Katyn. Documents* [in Russian] (Moscow: Ves' Mir, 2001); *"From Warsaw. To Moscow, to Comrade Beria...": Documents of the NKVD of the USSR on the Polish Underground. 1944–1945* [in Russian], comp. T.V. Volokitina et al. (Moscow; Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001); *Warsaw Uprising of 1944 in Documents from the Archives of the Special Services* [in Russian], comp. V. Vinogradov, Z. Gaiovnichek, et al. (Warsaw: Ministerstwo wnutrennikh del i administratsii Respubliki Pol'sha, Institut natsional'noi pamyati Respubliki Pol'sha – Komissiya po presledovaniyu prestuplenii protiv pol'skogo naroda; Moscow: Federal'naya sluzhba bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii, Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, 2007); *Soviet-Polish Relations in 1918–1945* [in Russian], 4 vols., ed. M.M. Narinskii, and A.V. Mal'gin, vol. 4, *1939–1945*, comp. N.S. Lebedeva (Moscow: Aspekt Press, 2017); *The Soviet Union and the Polish Military and Political Underground. April 1943 – December 1945* [in Russian], 3 vols., vol. 1, *April 1943 – August 1944*, pt. 1. *April 1943 – March 1944*, comp. O.K. Ivantsova (Moscow: MFD, 2018).

The main research method in this article is historical genetic method, based on the sources that include archival and published documents on the history of the Polish 1st Infantry Division and Soviet-Polish relations as well as on Soviet, Russian, and Polish scientific literature.

Main Body

It is a well-known fact that Poland ceased to exist as a sovereign state after the division of its territory between Germany and the Soviet Union in September 1939. Polish troops who found themselves in the lands ceded to the USSR were interned by the Soviet side. It should be noted that law enforcement practices in relation to foreign military personnel forcibly detained by the Soviet state were only beginning to take shape at that time. In the Soviet records of those years, Polish military personnel detained in September–October 1939 as a result of the “liberation campaign” were called prisoners of war (125 thousand people) while Polish refugees from among military personnel and police officers detained in the territory of the former Baltic states in 1940 were called referred to as internees (4.8 thousand people).⁹ According to the provisions of the 5th and 13th Hague Conventions (1907) as well as the provisions of the Geneva Convention Relative to the Treatment of Prisoners of War (1929), Polish military personnel held by the Soviet authorities since 1939 were more likely to fall within the definition of internees than prisoners of war, since neither the Soviet Union nor Poland declared war on each other. The legal status of internees was supposed to guarantee the preservation of their civil legal capacity and provided for more lenient conditions of detention compared to those of prisoners of war. It was these conditions that were applied to several hundred Czechoslovak legionnaires who were transferred and joined the Red Army in the Polish territory following the agreement with the Soviet command in the fall of 1939 and to 119 French and 14 British soldiers who successfully escaped German captivity in various ways and later crossed the border of the USSR.¹⁰

Already in the first days of the war, on July 3, 1941, the Soviet government expressed its agreement to begin the formation in the territory of the USSR of “national committees and national units” of representatives of the Western and Southern Slavs who suffered from Nazi aggression – Poles, Czechs, and Yugoslavs. It was immediately stated that the Soviet Union did not claim to include such military units in the Red Army. Negotiations with Polish and Czechoslovak representatives began simultaneously in the first weeks of the war. By agreement between the Soviet government and the Polish government-in-exile, all former Polish citizens were

⁹ Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and Materials [in Russian], comp., M.M. Zagorul'ko, S.G. Sidorov, and T.V. Tsarevskaya (Moscow: Logos, 2000), 27.

¹⁰ *Prisoners of War in the USSR*, 27.

amnestied by the Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR as of August 12, 1941. 391,600 people, both male and female, were subject to release from places of imprisonment, exile, and deportation.¹¹ Obviously, this figure reflects the number of Polish prisoners of war, internees, and exiled civilians, minus those who died and were killed in two years between the autumn of 1939 and August 1941.¹² Subsequently, some of them formed the contingent for the future formation of Polish troops in the territory of the USSR, first under Anders' command (1941–42), and then under Berling's command (1943–44).

The first experience in the formation of Polish units in 1941 – early 1942 turned out to be extremely unsuccessful. The Polish army of more than 70,000 people created under the command of General W. Anders could not be "persuaded" to go to the Soviet-German front. Under pressure from the government-in-exile and the allies, it had to be sent to the Middle East, where it joined the British troops. The relations with the Polish Government-in-Exile (which met in London at the time and acted as the main political counterparty in the formation of Anders' Army in the USSR) reached a dead end.

In the summer of 1942, after the evacuation of Anders' Army, there was certain confusion among the Soviet military-political leadership about the prospects of any further Soviet-Polish military cooperation. The creation of new Polish military formations was not planned. In the fall of 1942, there was a discussion of the possibility of intensifying partisan warfare in the Polish territory using the few proven cadres from among the Polish officers who stayed in the Soviet Union. However, a further irreversible deterioration in relations with the government-in-exile, which was caused by the launch of the campaign to issue passport to the former Polish citizens at the beginning of 1943 and by the international scandal that erupted in April 1943 after the Nazis had made public the circumstances of their discovery of the site of the execution of Polish soldiers near Katyn, prompted a different decision.

The severance of diplomatic relations with the government-in-exile, which followed those events, surprisingly, played into the hands of the Soviet leadership, allowing them to cut the Gordian knot of long-term and hopelessly damaged relations and radically change their policy on the Polish question without regard to

¹¹ *Soviet-Polish Relations in 1918–1945*, vol. 4, 1939–1945, 194.

¹² It should be noted that Polish historiography provides completely different data about the deported Poles, considering the NKVD data to be significantly underestimated. The consensus estimate made by Polish historians is between 900,000 and 1,000,000 deported Poles, but most of the official publications of the Institute of National Remembrance also propose a figure of 1,692,000 people. Most of them are believed to have died in the territory of the USSR (See *Polska pod reżimem komunistycznym. Sp rawozdanie z sytuacji w kraju (1944–1949)*, wstęp i opracowanie naukowe J. Mysiakowska-Muszyńska, W.J. Muszyński (Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2015. S. 56–57).

international opinion and Polish emigration. Now it was possible to create an “allied side” in Polish affairs that would be more cooperative not only in the issue of military formations but also in the view on the fundamental problems of Soviet-Polish relations, among which the issue of the state border between the USSR and Poland was most pressing.¹³ Naturally, such a turn in the Polish question was possible only against the backdrop of the strategic victories of the Red Army at Stalingrad and in the North Caucasus. Those victories clearly marked a radical turning point in the war, which made it possible to think quite definitely about the contours of the post-war structure of Eastern Europe.¹⁴

The Union of Polish Patriots (ZPP) in the USSR became a convenient counterparty for the Soviet side. It was organized under the direct protection of state security agencies in the spring of 1943¹⁵ and was headed by the Polish left-wing writer Wanda Wasilewska, who lived in the USSR, and Colonel Zygmunt Berling, one of the few officers who voluntarily stayed in the Soviet Union after the evacuation of Anders' Army. Wasilewska was quite loyal to the USSR. In those years, she was married to Oleksandr Korniyuchuk, a famous Soviet writer and playwright who was appointed Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR on order to represent Soviet interests among foreign Slavs.

Colonel Z. Berling, Commander of the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division, 1943
A public domain photo

¹³ A.F. Noskova, “Stalin and the Polish Home Army (on the Formation of the Soviet Leadership’s Position)” [in Russian], in *Russian and Slavic Research*, ed. A.P. Sal’kov, and O.A. Yanovskii, iss. 3 (Minsk: Beloruskii gosudarstvennyi universitet, 2008), 320.

¹⁴ *Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku*, 29.

¹⁵ Zdanovich, “The Polish Military Unit...,” 48–51.

The first statement the ZPP made was a call to the leadership of the Soviet Union for permission to create a Polish military unit for the joint fight against fascism. In February 1943, Joseph Stalin gave his consent to the formation of the Polish unit.¹⁶ The final decision was made in the middle of the international Katyn scandal, on April 18, 1943, at a meeting of the Politburo of the VKP(b) Central Committee. Wanda Wasilewska and Zygmunt Berling were notified about that decision by phone immediately, at night.¹⁷ On May 6, 1943, the Resolution no. 3294ss of the State Defense Committee granted the request of the ZPP to form a Polish infantry division in the territory of the Soviet Union. Berling was appointed its commander.¹⁸ On May 9, 1943, a corresponding official message was published in the Soviet newspaper *Pravda*. The newspaper noted that the division was named after the national hero of Poland Tadeusz Kościuszko and that its formation had "already begun."¹⁹

This was the rebirth of Polish military units specifically created to fight German Nazism in the territory of the USSR. After the Soviet leadership "singed its wings" with Anders' Army, it no longer wanted to let go of the leadership in the processes of formation and future combat use of Polish and any other foreign military units. New Polish formations were created under the strict control of the Soviet side and without any participation of the Polish government-in-exile. The selection and background check of the command staff for the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division was carried out by the Office of the Commissioner for Foreign Formations at the Headquarters of the Supreme High Command headed by State Security Commissioner G. Zhukov.

¹⁶ *Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku*, 34.

¹⁷ *Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku*, 38–39.

¹⁸ *Soviet-Polish Relations in 1918–1945*, vol. 4, 1939–1945, 406–07.

¹⁹ "On the Formation of the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division" [in Russian], *Pravda*, no. 119 (9255), May 9, 1943, 4.

G. Zhukov, Commissioner of the Headquarters of the Supreme High Command for foreign formations in the USSR in 1942–44, State Security Commissioner of the 3rd Rank
A public domain photo

Resolution of the State Defense Committee no. 3294ss as of May 6, 1943, which announced that the Polish 1st Infantry Division had been formed, crowned serious secret work carried out by the Soviet state security agencies with Polish political emigrants and Polish officers who stayed in the USSR. The state security agencies also encouraged the Poles who lived in various parts of the Soviet Union to send letters to the Soviet government, calling for the creation of a Polish military unit allied to the Red Army.²⁰ It was these letters that W. Wasilewska referred to when convincing Stalin in the need to make such a decision.²¹ This time, all organizational leverage was concentrated in the hands of Commissioner G. Zhukov. The Resolution of the State Defense Committee, the draft of which was prepared by Zhukov himself, directly stated:

The implementation of practical measures for the formation and provision of the Polish Rifle Division will be entrusted to the Commissioner of State Security Comrade Zhukov.²²

²⁰ Zdanovich, "The Polish Military Unit...", 50.

²¹ *Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku*, 35.

²² "Postanovlenie GKO SSSR № 3294 o formirovanii pol'skoi strelkovoii divizii im. Tadeusha Kostyushko. 6 maya 1943 g." [Resolution of the State Defense Committee of the USSR no. 3294 on the Formation of the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division as of May 6, 1943]. F. 644, op. 1, d. 113, ll. 168–169. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History] (RGASPI), Moscow, Russia.

The State Defense Committee obliged the heads of the main departments of People's Commissariat of Defense of the Soviet Union (the resolution lists A. Shcherbakov, A. Khrulev, E. Shchadenko, F. Golikov, Y. Fedorenko, and N. Yakovlev) and even People's Commissar of Railways L. Kaganovich "to fulfill all requests from Comrade Zhukov related to the formation, armament, provision and combat training of the newly formed Polish units."²³

The concentration of all organizational activities in the hands of a single person and the elimination of the need for any tedious approvals with the Polish government in London had a quick positive effect. Organizationally and statistically, the Polish troops created by the Soviet Union grew rapidly. The formation of the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division under the command of Colonel Berling began in May 1943, and already by August 10, 1943 (once again, following the initiative of the ZPP), the Polish 1st Infantry Division had become a two-divisional army corps, reinforced by artillery and tank brigades, an aviation regiment, and other units.²⁴ Subsequently, the pace of formation of Polish troops in the USSR only accelerated: the 3rd Infantry Division was formed in December 1943 and the Polish 1st Army with tank and aviation formations in the spring of 1944. In September 1944, two Polish armies and the partisan People's Army (Armia Ludowa) were united into the single Polish People's Army.

Politically, the newly formed Polish units were completely detached from the Polish government in London, the only internationally recognized successor to Polish statehood at the time. However, the Soviet side did everything possible to endow its new creation with legitimacy in the eyes of the Polish and international public. First, this was achieved by reproducing the archetypal features of the Polish military tradition, namely Polish uniforms, internal service regulations, the establishment of

²³ Resolution of the State Defense Committee of the USSR no. 3294 on the Formation of the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division as of May 6, 1943. F. 644, op. 1, d. 113, ll. 168–169. RGASPI.

²⁴ "Otnoshenie Upolnomochennogo Stavki Verkhovnogo Glavnokomandovaniya po inostrannym voennym formirovaniyam na territorii SSSR komanduyushchemu voiskami Moskovskogo voennogo okruga o podgotovke i oborudovanii voennogo lagerya dlya pol'skogo armeiskogo korpusa i okazanii pomoshchi komandovaniyu korpusa v formirovanii i material'no-tekhnicheskom obespechenii korpusa" [Relation of the Authorized Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief of Foreign Military Formations in the Territory of the USSR to the Commander of the Moscow Military District on the Preparation and Equipment of a Military Camp for the Polish Army Corps and Assistance to the Corps Command in the Formation and Logistics of the Corps]. F. 202, op. 244, d. 5, ll. 17–18. Dokumental'naya kolleksiya Nauchno-issledovatel'skogo instituta voennoi istorii Voennoi akademii General'nogo shtaba Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii [Documentary collection of the Research Institute of Military History of Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation] (Dokumental'naya kolleksiya NIIVI), Moscow, Russia.

military chaplain positions, Polish military ranks, military symbols, and even marching songs. The swearing-in of the 1st Infantry Division closely followed Polish military ceremonies, and the chosen date was a nod to the victorious tradition of the Polish Army (July 15, 1943, which was the 533rd anniversary of the Battle of Grunwald). The Polish 1st Division and the divisions formed later were given the names of Polish national heroes. The examples of such symbolic attributes to the newly formed military formations aimed at cultivating patriotic feelings in the Poles are continuous. The Soviet side showed all possible delicacy under the existing conditions so that nothing would remind the Polish people of the circumstances under which they had found themselves in the Soviet Union several years earlier.

According to numerous testimonies, both from the Soviet and Polish sides, the use of the specified surroundings created a healthy patriotic atmosphere in the units and made an indelible, often stunning impression on the newly arriving Poles. Thus, the efforts aimed at creating a special Polish atmosphere were not in vain. Perhaps, only one unfortunate mistake was made. For the sake of class ideology, the traditional symbol of state power, the Polish eagle (the so-called the Piast Eagle at the Polish coat of arms) was deprived of the crown and received the contemptuous nickname "chicken" among the Poles.

Of course, it was Colonel Z. Berling, a Polish career officer, who became a mastermind of the new revival of the Polish army, including the recreation of its traditional surroundings during that period. Soon, he received the rank of major general, and then lieutenant general of the Red Army. The very idea of Stalin to appoint Berling was deeply symbolic. It was not just a proven officer of Polish origin who was required to take over of the Polish troops, but a career officer in the army of pre-war Poland, the Second Polish Republic, who also came from the legionnaires who formed the core of the Polish officers in the interwar period.²⁵ Any Soviet officer of Polish origin (for example, the candidacy of B. Kenevich, a colonel of the Red Army, was considered) was not suitable for this role.²⁶

Although Berling went through arrest and an NKVD camp in 1939–40, apparently, he was determined to bring his country closer to its eastern neighbor. In 1940, he started collaborating with the NKVD, while not for a moment forgetting about the interests of Poland, for all his thoughts were about the revival of his country. In Anders' Army, he was the chief of staff of the 5th Infantry Division. However, he parted with his commander with a scandal and remained in the USSR together with several other officers. For that, in July 1943, he was demoted in absentia and

²⁵ Polish Legions were military formations of the Austro-Hungarian army (between 1914 and 1918), which fought on the Eastern Front against the Russian army.

²⁶ Jaczyński, *Zygmunt Berling. Między sławą a potępieniem*, 62.

condemned to death as a deserter by the tribunal of Anders' Army.²⁷ With Berling and other Polish military and political figures in 1943, Zhukov acted noticeably more purposefully and confidently than earlier with Anders, with whom a lot of time was lost on exhortations, persuasion, and finding out "when the Polish army was planning to fight."²⁸

An unfavorable factor in the formation of the 1st Infantry Division was the condition of the contingent of former Polish citizens in the territory of the USSR. Its quantity was limited, and its physical qualities, due to certain living conditions, were not the best. In 1942, around 119,900 Poles were evacuated from the USSR to Iran, including 76,100 military personnel from Anders' Army.²⁹ Thus, the number of Poles fit for military service to be drafted to fight under Polish banners was significantly reduced.

The Soviet authorities were able to estimate the remaining number of former Polish citizens when issuing them passports following the decision of the Council of People's Commissars of the USSR as of January 15, 1943, according to which they were granted Soviet citizenship again. In total, Soviet passports were issued to 165,208 former Polish citizens in 1943, another 24,151 people were recognized as Polish citizens, and 1,583 Poles were convicted of refusing to obtain a Soviet passport. In the context of this study, it is important to note that during this forced "passportization," 63,050 males of military age were identified.³⁰ This circumstance made it possible to count on the possibility of forming several large formations from the Poles and influenced the adoption of a corresponding decision by the Soviet government in the end. Personal registration data obtained by the internal affairs bodies when issuing passports to the former Polish citizens was subsequently used during the mobilization of the Polish citizens into the newly formed Polish military units.

According to Resolution of the State Defense Committee no. 3294ss as of May 6, 1943, "former Polish citizens, Poles by nationality," were to be enrolled to the 1st Polish Division. The recruitment should "begin from the construction battalions of all People's Commissariats, including the NKVD."³¹ Reserved citizens were drafted on a general basis. In addition to the contingent specified above, the Resolution adopted by the State Defense Committee allowed the admission of volunteers of two

²⁷ S. Cenckiewicz, *Geneza Ludowego Wojska Polskiego, 1943–1945* (Warszawa: Akademia Sztuki Wojennej, 2017), 20.

²⁸ *Russian Archive. The Great Patriotic War*, vol. 14 (3–1), *USSR and Poland: 1941–1945*, 62.

²⁹ *Soviet-Polish Relations in 1918–1945*, vol. 4, 1939–1945, 494.

³⁰ Filippov, and Larin, *Against a Common Enemy*, 50.

³¹ *At the Victory Headquarters. 1941–1945: Documents* [in Russian], ed. A.K. Sorokin, bk. 3, 1943. "Breaking the Stubborn Resistance of the Enemy..." (Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga, 2020), 189.

categories: former Polish citizens of “non-Polish ethnicity” and Poles, who were considered “indigenous residents and citizens of the USSR.”³² To avoid misunderstanding, the conscripts were explained that although they were being sent to Polish military units, their families would enjoy the benefits granted to Red Army soldiers.³³

By the end of May 1943, 15,594 Poles had arrived in the Seletskii camp in Ryazan Oblast, where the division’s formation site was determined, with the regular division’s personnel requirement of 11,444 people.³⁴ A significant part of the volunteers arrived from all over the Soviet Union,³⁵ among whom there were also “former osadniks,³⁶ officials, and the like.”³⁷ They were ready to join Anders’ Army, but due to the restriction of its size in 1941–42, not everyone who had such a desire was able to enroll. The people who were late for evacuation were angry with Anders, who rapidly left the Soviet Union and left them to their fate.³⁸ Therefore, they used the second chance given to them without second thoughts. Volunteers traveled to the formation site independently using permits issued to them by local authorities.

The initial surplus of volunteers allowed the recruiting commission to meticulously select candidates. Former Polish citizens and native Poles and citizens of the USSR were accepted in the first place. These categories were accepted into the division with

³² *Soviet-Polish Relations in 1918–1945*, vol. 4, 1939–1945, 406–07.

³³ “Spravka-zamestitel' № 8419 komanduyushchemu voiskami PriVO. 9.5.1943 g.” [Substitute certificate no. 8419 issued to the Commander of the PriVO Troops. May 9, 1943]. F. 131, op. 12951, d. 52, ll. 12–13. Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation] (TsAMO RF), Podolsk, Moscow Oblast, Russia.

³⁴ “Akt proverki boevoi gotovnosti 1-i pol'skoi pekhotnoi divizii im. Tadeusha Kostyushko” [Inspection Report on the Combat Readiness of the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division]. F. 202, op. 244, d. 5, l. 37. Dokumental'naya kolleksiya NIIVI.

³⁵ The Polish 1st Infantry Division included people who arrived from the Arkhangelsk military district (1673 people), the Volga (Privolzhskii) military district (315 people), the Ural military district (1629 people), the South Ural military district (775 people), the Siberian military district (4305 people), and the Central Asian military district (2100 people), as well as from the Transbaikal Front (887 people) and the Far Eastern Front (100 people) (See “Svedeniya o khode ukomplektovaniya 1-i pol'skoi pekhotnoi divizii im. T. Kostyushko na 7.6.1943” [Information on the Recruitment Progress in the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division as of June 7, 1943]. F. 56, op. 12214, d. 668, l. 28 ob. TsAMO RF.

³⁶ Osadniki (Polish *osadnicy*), Polish settlers who were given land in the territories of Western Ukraine and Western Belarus with the aim of active Polonization of the territories ceded to Poland under the Riga Peace Treaty of 1921.

³⁷ “Doklad o boevoi gotovnosti soedinenii i chastei 1-go pol'skogo armeiskogo korpusa v SSSR na 15 yanvarya 1944 g.” [Report on the Combat Readiness of Formations and Units of the Polish 1st Army Corps in the USSR as of January 15, 1944]. F. 7, op. 11626, d. 339, l. 91. TsAMO RF.

³⁸ A. Litwa, *Od martwej Warszawy po piekło Wału Pomorskiego* (Rzeszów: Fosze, 1997), 21.

virtually no dropouts. As for Polish Jews as well as Ukrainians and Belarusians from among former Polish citizens, 70–80% of them were sent back to their places of residence.³⁹ Many Poles arrived from internal military districts (Moscow, Arkhangelsk, Volga, Ural, South Ural, Central Asia, and Siberia) and from non-combatant fronts (the Far Eastern Front, the Transbaikal Front, and the Transcaucasian Front). In total, in the period between May 1943 and mid-January 1944, around 34,300 people were sent from there.⁴⁰

Recruitment in the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division, which was launched in May 1943, immediately faced an acute shortage of officers, which was quite expected. After the evacuation of Anders' Army, the number of Polish officers loyal to the Soviet regime remaining in Soviet territory was inconsiderable. Without experienced combat commanders, staff officers, specialists in artillery, communications, logistics services, etc., these military units could not exist as combat units. Among the Poles who arrived to be recruited the division in the Seletskii camp, this group made up only 1.1% (173 people) of the total contingent.⁴¹ By nationality, 79% of them were Poles, 9.5% were Polish Jews, and 11.5% were Russians, Ukrainians, and Belarusians.⁴²

During this period, several sources were used to fill officer positions in the Polish division. Some officers of Polish nationality (Soviet citizens) were sent on detach duty from the Red Army units.⁴³ The most competent junior commanders and privates were re-trained in two-month courses and were subsequently promoted to positions of mid-level commanders. Short-term training courses of mid-level Polish commanders were used to further promote them to positions of senior commanders.

The training of mid-level officers in the required spheres was launched at short-term courses in several military schools, including Ryazan Infantry School (600 people), Tambov Artillery Technical School (50 people), 3rd Leningrad Artillery School (120 people), as well as in Moscow Engineering School, Ryazan Automobile School, and Murmansk School of Communications (50 people each).⁴⁴

³⁹ "Svedeniya o khode ukomplektovaniya 1-i pol'skoi pekhotnoi divizii im. T. Kostyushko na 7.6.1943" [Information on the Recruitment Progress in the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division as of June 7, 1943]. F. 56, op. 12214, d. 668, l. 7. TsAMO RF.

⁴⁰ According to the information of People's Commissar of Internal Affairs L. Beria, prepared following the command of Joseph Stalin as of May 3, 1944, the total of 36,510 former Polish citizens were transferred to the Polish formations of Zygmunt Berling in 1943 (*Soviet-Polish Relations in 1918–1945*, vol. 4, 1939–1945, 494).

⁴¹ Shinkarev, "The Role of the Soviet Union," 39.

⁴² Shinkarev, "The Role of the Soviet Union," 39.

⁴³ As of January 1, 1943, there were 1,558 persons registered as command personnel in the Red Army units (See "Komandnyi sostav za Krasnuyu armiyu (po natsional'nostyam)" [Command personnel for the Red Army (by nationality)]. F. 7, op 26, d. 220, l. 37. TsAMO RF).

⁴⁴ Shinkarev, "The Role of the Soviet Union," 41.

By the end of August 1943, the Polish division had been staffed with officers for the most part. There were 892 officers out of 1,093 full-time positions.⁴⁵ 325 people of this number were Soviet Poles seconded from the other units of the Red Army.⁴⁶

Polish soldiers at the swearing-in ceremony
A public domain photo

By the end of August 1943, the 1st Infantry Division was fully equipped. It was equipped significantly better than the Soviet rifle divisions, having 12,144 people and reinforcement units, including a full-time tank regiment (32 medium tanks and 7 light tanks).⁴⁷ In this regard, very few Soviet rifle formations of that period could compare with it. Moreover, the 2nd Infantry Division had already begun to be formed in the Seletskii camp from the surplus of those who arrived to enroll in the 1st Polish Division.

While at the end of 1941 – beginning of 1942, in the instance of Anders' Army, the Soviet government rushed all Poles to be sent to the front in every possible way, and delays on the part of the Polish command became the main sticking point, the situation changed drastically in the second half of 1943. After the radical turning point in the Great Patriotic War, the foreign policy function of the Polish troops

⁴⁵ "Akt proverki boevoi gotovnosti 1-i pol'skoi pekhotnoi divizii im. Tadeusha Kostyushko. 30 avgusta 1943 g." [Inspection Report on the Combat Readiness of the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division. August 30, 1943]. F. 202, op. 244, d. 5, l. 37. Dokumental'naya kollektsiya NIIV.

⁴⁶ Shinkarev, "The Role of the Soviet Union," 41.

⁴⁷ "Donesenie o boevom sostave 1-i pol'skoi pekhotnoi divizii im. T. Kostyushko po sostoyaniyu na 10 oktyabrya 1943 g." [Report on the Combat Personnel of the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division as of October 10, 1943]. F. 202, op. 244, d. 7, l. 13. Dokumental'naya kollektsiya NIIV.

became more important. On the eve of the meeting of the heads of anti-Hitler coalition states in Tehran, at which, among other things, it was planned to discuss the Polish issue, a combat-ready Polish unit (which had become a fully deployed army corps by that time) was already becoming an important political asset in the hands of Joseph Stalin.⁴⁸ A demonstration of the combat capability of the Polish unit was necessary, but nothing more than that was required. Therefore, although the Polish 1st Division joined the troops positioned at the Western Front on August 30, 1943, it was introduced into battle only a month and a half later. The front commander was instructed that "the use of the Division was possible only with the permission of the Headquarters of the Supreme High Command."⁴⁹

The baptism of fire of the 1st Infantry Division took place in October 1943. Thus, on October 12–13, the formation fought in the battles on the swampy bank of the Mereya river near the villages of Lenino, Polzukha, and Trigubovo in Mogilev Oblast as a part the Orsha offensive of the troops of the 33rd Army of the Western Front (October 12 – December 2, 1943).

The debut of Polish troops at the Soviet-German front, which was called the Battle of Lenino in Polish historiography, can hardly be considered successful. Operating in the area unfavorable for an offensive, with insufficient artillery support (the supply of ammunition was very difficult), the units of the Polish 1st Division first pulled ahead of the relatively small battle-worn Soviet divisions. The interaction with the neighbors, aviation, and artillery units, was disrupted at the very beginning of the attack, on October 12. The Polish 1st Division was therefore caught in the fire and lost 2,859 people, with 614 people killed and up to 1,300 wounded.⁵⁰ The Soviet leadership once again realized that the military benefits from the use of Polish troops were negligible in comparison with the political ones and all efforts on the formation of such troops could fall into oblivion in several similar battles. Therefore, the Soviet side made a decision of perforce, which General Anders had firmly insisted on. Polish units were to be used only as a "single fist" and only in battles for Poland. Thus, the Polish units were withdrawn from the front line for a long time and found themselves on the front line again only in July 1944, when they were to fight for the liberation of their own land.

The terrible losses in the short two-day battle, to which the Poles were completely unaccustomed, made a depressing impression on the division's personnel. Having

⁴⁸ *Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku*, 37.

⁴⁹ *Russian Archive. The Great Patriotic War* [in Russian], vol. 23 (12–3), *General Staff During the Great Patriotic War, 1943: Documents and materials*, comp. A.D. Efremov et al. (Moscow: TERRA, 1999), 288.

⁵⁰ Filippov, and Larin, *Against a Common Enemy*, 70.

already heard about the victories of the Red Army,⁵¹ the Poles hoped that they would only have to follow the barrage of fire, "behind which they could safely drink tea."⁵² Berling expressed complaints to the neighboring units of the Red Army that did not support him from the flanks.⁵³ However, regardless of the actual results, "the day of October 12 was the day of the difficult but glorious beginning of the path to a common victory over the enemy, and it became the holiday for the Polish People's Army."⁵⁴ Very soon, the "combat merits" of the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division became the subject of "great educational work" of Polish political workers, and an aura of experienced fighters who knew the smell of powder formed around the division. On November 11, 1943, hundreds of Poles were awarded Soviet orders and medals, and three Poles became Heroes of the Soviet Union. The two-day Battle of Lenino also yielded the required diplomatic fruits: at the Moscow Conference of Foreign Ministers on October 29, 1943, the Soviet side stated, "The Polish division we have is fighting very well and heroically against the Germans."⁵⁵ The same thing was said by Joseph Stalin a month later in Tehran to Winston Churchill and Franklin D. Roosevelt.

Conclusion

The Battle of Lenino concluded the first stage of the second attempt to form Polish troops in the territory of the USSR. Having taken into account the unsuccessful experience with the Army of W. Anders in 1941–42, this time the Soviet leadership insured against the failure of the new project by stopping any external influence on it (primarily from the Polish government-in-exile). This significantly accelerated and

⁵¹ Veteran of the Polish 1st Army Jan Zamojski recalled that in the eyes of the Poles, the Soviet army was already definitely "different from the one in 1941–1942, in the resistance of which [General W.] Anders did not believe. That was an army that had already achieved a turning point in the war, felt the taste of victory, and gained confidence. And that created a different atmosphere. . ." (J.E. Zamojski, "Wojsko polskie na frontach wschodnim (przymierze czy brak wyboru?)," *Dzieje Najnowsze*, no. 1 (2004): 167–88.

⁵² "Donesenie o boevom sostave 1-i pol'skoi pekhotnoi divizii im. T. Kostyushko po sostoyaniyu na 10 oktyabrya 1943 g." [Report on the Combat Personnel of the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division as of October 10, 1943]. F. 202, op. 244, d. 7, l. 25. Dokumental'naya kolleksiya NIIVI.

⁵³ "Opisanie boevykh deistvii 1-i pol'skoi divizii im. T. Kostyushko za period s 12 po 13 oktyabrya 1943 g. 18 oktyabrya 1943 g." [Description of the Combat Operations of the Polish 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division for the period from October 12 to October 13, 1943. October 18, 1943]. F. 208, op. 2511, d. 2408, ll. 38–44. TsAMO RF.

⁵⁴ S.M. Shtemenko, *General Staff during the War* [in Russian], bk. 2. (Moscow: Voenizdat, 1981), 306.

⁵⁵ V.S. Parsadanova, *Warsaw Uprising of 1944. Resistance Movement in Poland in 1939–1945. Directions. Programs. Practice. Results* [in Russian], pt. 1 (Moscow: Izdatel'skie resheniya, 2018), 288.

simplified the formation of the 1st Infantry Division and subsequent Polish units and removed barriers to their subsequent use in battle. On the other hand, it was this circumstance that guaranteed the Polish units formed in the Soviet Union a certain deficiency of legitimacy later, after they entered the Polish land. To a certain extent, it was compensated by the scrupulous reproduction of the external attributes of the Polish military tradition. However, the troops of Z. Berling were perceived in Poland as "Soviet" Polish troops and were noticeably inferior in popularity to the partisan Home Army, which was subordinate to the emigrant government.

Список литературы

Антосяк А.В., Афанасьев Н.П., Макаров Л.П. и др. Зарождение народных армий стран – участниц Варшавского Договора. 1941–1949. Москва: Наука, 1971. 391 с.

Боевое содружество советского и польского народов / под редакцией П.А. Жилина. Москва: Воениздат, 1973. 277 с.

Братство по оружию / под редакцией П.А. Жилина, Э. Ядзяка. Москва: Воениздат, 1975. 383 с.

Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб / составители В. Виноградов, З. Гайовничек и др. Варшава: Министерство внутренних дел и администрации Республики Польша, Институт национальной памяти Республики Польша – Комиссия по преследованию преступлений против польского народа; Москва: Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Институт российской истории Российской академии наук, 2007. 1377 с.

Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / составители М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. Москва: Логос, 2000. 1120 с.

Зданович А.А. «Польская воинская часть... высоко поднимет вес и авторитет поляков в ходе войны и в становлении послевоенной Европы». Рождение Войска польского (1942–1944 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 48–54.

Зданович А.А. Роль НКВД в формировании польской армии В. Андерса (1941–1942 гг.) // Военно-исторический журнал. 2010. № 9. С. 53–60.

«Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...»: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 / составители Т.В. Волокитина и др. Москва; Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 448 с.

Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / составитель Н.С. Лебедева. Москва: Весь Мир, 2001. 688 с.

Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы / составители Н.С. Лебедева и др. Москва: Международный фонд «Демократия», 1999. 603 с.

Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. / под редакцией И.И. Костюшко. Москва: ИСБ РАН, 1997. 144 с.

НКВД и польское подполье (По «Особым папкам» И.В. Сталина) / составители Т.В. Волокитина и др. Москва: ИСБ РАН, 1994. 308 с.

Носкова А.Ф. Генерал З. Берлинг: штрихи к политическому портрету // Профессор Московского университета И.М. Белявская: материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора МГУ им. М.В. Ломоносова И.М. Белявской / под редакцией

Г.Ф. Матвеева, Х.Х. Хайретдинова. Москва: Издательство Московского университета, 2005. С. 263–279.

Носкова А.Ф. Сталин и Армия Крайова (к формированию позиции советского руководства) // Российские и славянские исследования / под редакцией А.П. Салькова, О.А. Яновского. Минск: Белорусский государственный университет, 2008. Вып. 3. С. 315–328.

Парсаданова В.С. Варшавское восстание 1944 г. Движение Сопротивления в Польше 1939–1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты: в 2 ч. Москва: Издательские решения, 2018. Ч. 1. 361 с.

Русский архив. Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза: Документы и материалы / авторы-составители С.Я. Лавренов и др. Москва: ГЕРРА, 1994. 492 с.

Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: в 4 т. / под редакцией М.М. Наринского, А.В. Мальгина. Москва: Аспект Пресс, 2017. Т. 4: 1939–1945 / составитель Н.С. Лебедева. 704 с.

Филиппов В.В., Ларин Г.В. Против общего врага. Советские воины в Войске Польском 1943–1968 гг. Рязань: Рязанская областная типография, 2021. 559 с.

Шинкарев И.И. Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Военно-политическая ордена Ленина Краснознаменная академия имени В. И. Ленина, 1967. 260 с.

Cenckiewicz S. Geneza Ludowego Wojska Polskiego, 1943–1945. Warszawa: Akademia Sztuki Wojennej, 2017. 89 s.

Grzelak Cz., Stańczyk H., Zwoliński S. Bez możliwości wyboru. Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945, Warszawa: Bellona, 1993. 258 s.

Jaczyński S. Zygmunt Berling. Między sławą a potępieniem. Warszawa: Książka i wiedza, 1993. 398 s.

Kaczmarek K. Polskie wojsko na Wschodzie: 1943–1945: od Mierei do Łabyi Wełtawy. Lublin: Przedsiębiorstwo Poligraficzne, 2005. 312 s.

Kospath-Pawłowski E. Wojsko Polskie na Wschodzie 1943–1945. Pruszków: Oficyna Wydawnicza "Ajaks", 1993. 337 s.

Litwa A. Od martwej Warszawy po piekło Wału Pomorskiego. Rzeszów: Fosze, 1997. 240 s.

Nalepa E.J. Oddani partii Lenina i Stalina: czerwonoarmiści w Wojsku Polskim 1943–1968. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2018. 471 s.

Nalepa E.J. Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim 1943–1968. Warszawa: Bellona, 1995. 338 s.

Polska pod reżimem komunistycznym. Sp rawozdanie z sytuacji w kraju (1944–1949) / wstęp i opracowanie naukowe J. Mysiakowska-Muszyńska, W.J. Muszyński. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2015. 368 s.

Stańczyk H., Zwoliński S. Wojsko Berlinga i Żymierskiego 1943–1945. Warszawa: RYTM, 2015. 374 s.

Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy: udział 1. Dywizji piechoty im. Tadeusza Kościuszki w bitwie pod Lenino / pod redakcją S. Zwoliński. Warszawa: Neriton, 2003. 213 s.

Zamojski J.E. Wojsko polskie na froncie wschodnim (przymierze czy brak wybory?) // Dzieje Najnowsze. 2004. № 1. S. 167–188.

References

Antosyak, A.V., N.P. Afanas'ev, L.P. Makarov, et al. *Zarozhdenie narodnykh armii stran – uchastnits Varshavskogo Dogovora. 1941–1949* [The emergence of the people's armies of the countries participating in the Warsaw Pact. 1941–1949]. Moscow: Nauka, 1971. (In Russian)

Cenckiewicz, S. *Geneza Ludowego Wojska Polskiego, 1943–1945*. Warszawa: Akademia Sztuki Wojennej, 2017.

Filippov, V.V, and G.V. Larin. *Protiv obshchego vraga. Sovetskie voiny v Voiske Pol'skom 1943–1968 gg.* [Against a common enemy. Soviet warriors in the Polish army. 1943–1968]. Ryazan: Ryazanskaya oblastnaya tipografiya, 2021. (In Russian)

Grzelak, Cz., H. Stańczyk, and S. Zwoliński. *Bez możliwości wyboru. Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945*. Warszawa: Bellona, 1993.

"Iz Varshavy. Moskva, tovarishchu Beriia...": *Dokumenty NKVD SSSR o pol'skom podpol'e. 1944–1945* ["From Warsaw. To Moscow, to Comrade Beria...": Documents of the NKVD of the USSR on the Polish underground. 1944–1945]. Compiled by T.V. Volokitina et al. Moscow; Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001. (In Russian)

Jaczyński, S. *Zygmunt Berling. Między sławą a potępieniem*. Warszawa: Książka i wiedza, 1993.

Kaczmarek, K. *Polskie wojsko na Wschodzie: 1943–1945: od Mierei do Łabyi Weltawy*. Lublin: Przedsiębiorstwo Poligraficzne, 2005.

Kospath-Pawłowski, E. *Wojsko Polskie na Wschodzie 1943–1945*. Pruszków: Oficyna Wydawnicza "Ajaks", 1993.

Lebedeva, N.S. et al., comps. *Katyn': Plenniki neob'yavlennoi voiny: Dokumenty i materialy* [Katyn: Prisoners of an undeclared war: Documents and materials]. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiya", 1999. (In Russian)

Lebedeva, N.S., comp. *Katyn'. Mart 1940 g. – sentyabr' 2000 g.: Rasstrel. Sud'by zhivykh. Ekho Katyni. Dokumenty* [Katyn. March 1940 – September 2000: Death by shooting. The fates of the living. The echoes of Katyn. Documents]. Moscow: Ves' Mir, 2001. (In Russian)

Litwa, A. *Od martwej Warszawy po piekło Wahu Pomorskiego*. Rzeszów: Fosze, 1997.

Materialy "Osoboi papki" Politbyuro TsK RKP(b) – VKP(b) po voprosu sovetsko-pol'skikh otnoshenii 1923–1944 gg. [Materials of the "Special folder" of the Politburo of the Central Committee of the RKP(b)–VKP(b) on the issue of Soviet–Polish relations, 1923–1944]. Edited by I.I. Kostyushko. Moscow: ISB RAN, 1997. (In Russian)

Nalepa, E.J. *Oddani partii Lenina i Stalina: czerwonoarmiści w Wojsku Polskim 1943–1968*. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2018.

Nalepa, E.J. *Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim 1943–1968*. Warszawa: Bellona, 1995.

NKVD i pol'skoe podpol'e (Po "Osobym papkam" I.V. Stalina) [NKVD and the Polish underground (According to J. Stalin's "Special Folders")]. Compiled by T.V. Volokitina et al. Moscow: ISB RAN, 1994. (In Russian)

Noskova, A.F. "Stalin i Armia Kraiova (k formirovaniyu pozitsii sovetskogo rukovodstva)" [Stalin and the Polish Home Army (on the formation of the Soviet leadership's position)]. In *Rossiiskie i slavyanskie issledovaniya* [Russian and Slavic research], edited by A.P. Sal'kov, and O.A. Yanovskii, iss. 3, 315–28. Minsk: Beloruskii gosudarstvennyi universitet, 2008. (In Russian)

Noskova, A.F. "General Z. Berling: shtrikhi k politicheskomu portretu" [General Z. Berling: touches to a political portrait]. In *Professor Moskovskogo universiteta I.M. Belyavskaya:*

materialy konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora MGU im. M.V. Lomonosova I.M. Belyavskoi [Professor of Moscow University I.M. Belyavskaya: proceedings of the conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor of Lomonosov Moscow State University I.M. Belyavskaya], edited by G.F. Matveev, and Kh.Kh. Khairtdinov, 263–79. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2005. (In Russian)

Parsadanova, V.S. *Varshavskoe vosstanie 1944 g. Dvizhenie Soprotivleniya v Pol'she 1939–1945 gg. Napravleniya. Programmy. Praktika. Rezul'taty* [Warsaw Uprising of 1944. Resistance Movement in Poland in 1939–1945. Directions. Programs. Practice. Results]. 2 pts. Pt. 1. Moscow: Izdatel'skie resheniya, 2018. (In Russian)

Polska pod reżimem komunistycznym. Sp rawozdanie z sytuacji w kraju (1944–1949). Wstęp i opracowanie naukowe J. Mysiakowska-Muszyńska, W.J. Muszyński. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2015.

Russkii arkhiv. Velikaya Otechestvennaya [Russian archive. The Great Patriotic War]. Vol. 14 (3–1), *SSSR i Pol'sha: 1941–1945. K istorii voennogo soyuza: Dokumenty i materialy* [USSR and Poland: 1941–1945. On the history of the military alliance: Documents and materials]. Compiled by S.Ya. Lavrenov et al. Moscow: TERRA, 1994. (In Russian)

Shinkarev, I.I. "Rol' Sovetskogo Soyuz v sozdanii vooruzhennykh sil stran Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy v gody Velikoi Otechestvennoi voiny" [The role of the Soviet Union in the creation of the armed forces of the countries of Eastern and South-Eastern Europe during the Great Patriotic War]. PhD thesis, V.I. Lenin Military-Political Academy, 1967. (In Russian)

Sovetsko-pol'skie otnosheniya v 1918–1945 gg. [Soviet-Polish Relations in 1918–1945]. 4 vols. Edited by M.M. Narinskii, and A.V. Mal'gin. Vol. 4, *1939–1945*, compiled by N.S. Lebedeva. Moscow: Aspekt Press, 2017. (In Russian)

Stańczyk, H., S. Zwoliński *Wojsko Berlinga i Żymierskiego 1943–1945*. Warszawa: RYTM, 2015.

Varshavskoe vosstanie 1944 v dokumentakh iz arkhivov spetssluzhb = Powstanie Warszawskie 1944 w dokumentach z archiwów służb specjalnych [Warsaw Uprising of 1944 in documents from the archives of the special services]. Compiled by V. Vinogradov, Z. Gaiovnichek, et al. Warsaw: Ministerstvo vnutrennikh del i administratsii Respubliki Pol'sha, Institut natsional'noi pamyati Respubliki Pol'sha – Komissiya po presledovaniyu prestuplenii protiv pol'skogo naroda; Moscow: Federal'naya sluzhba bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii, Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, 2007. (In Russian)

Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and materials]. Compiled by M.M. Zagorul'ko, S.G. Sidorov, and T.V. Tsarevskaya. Moscow: Logos, 2000. (In Russian)

Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy: udział I. Dywizji piechoty im. Tadeusza Kościuszki w bitwie pod Lenino, pod redakcją S. Zwoliński. Warszawa: Neriton, 2003.

Zamojski, J.E. "Wojsko polskie na frontie wschodnim (przymierze czy brak wybory?)." *Dzieje Najnowsze*, no. 1 (2004): 167–88.

Zdanovich, A.A. "'Pol'skaya voinskaya chast'... vysoko podnimet ves i avtoritet polyakov v khode voiny i v stanovlenii poslevoennoi Evropy'. Rozhdenie Voiska pol'skogo (1942–1944 gg.)" [The Polish military unit... will raise high the weight and prestige of the Poles during the war and in the development of postwar Europe.' The birth of the Polish Army (1942–1944)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 2 (2011): 48–54. (In Russian)

Zdanovich, A.A. “Rol' NKVD v formirovanii pol'skoi armii V. Andersa (1941–1942 gg.)” [The role of the NKVD in the formation of the Polish Army of W. Anders (1941–1942)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 9 (2010): 53–60.

Zhilin, P.A., and E. Jadziak, eds. *Bratstvo po oruzhiyu = Braterstwo broni* [Brotherhood in arms]. Moscow: Voenizdat, 1975. (In Russian)

Zhilin, P.A., ed. *Boevoe sodruzhestvo sovetskogo i pol'skogo narodov* [Military community of the Soviet and Polish peoples]. Moscow: Voenizdat, 1973. (In Russian)

Информация об авторе

Алексей Юрьевич Безугольный – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>, abesu111@gmail.com, Институт всеобщей истории Российской академии наук (д. 32-А, пр-т Ленинский, 119334 Москва, Россия).

Information about the author

Aleksei Yu. Bezugol'nyi – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>, abesu111@gmail.com, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (32-A, pr. Leninskii, 119334 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 21.06.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 09.08.2023.

The article was submitted 21.06.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 09.08.2023.